

Аристов Руслан

БЛЯМБЛИЯ

Небанальное государство.
И право.

Руслан Аристов

Блямблия

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Аристов Р. И.

Блямблия / Р. И. Аристов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Небанально о государстве. Бесплатно и сердито. Весело и мудро. Новая книга автора знаменитой "Отличной истории" подарит читателю несколько приятных минут наслаждения процессом чтения и много лет по настоящему осмысленной жизни. Любовь и подлость, страх и отвага - все человеческие чувства хитроумно сплелись в библии нового времени - "Блямблии". Не судите строго - автор поднимает темы, веками замалчиваемые и искажаемые. Поэтому сначала книжку могут понять не все... Приятного чтения!

БЛЯМБЛИЯ

Небанальное государство. И право.

...Только в борьбе можно счастье найти.
(Н. Добронравов)

«Каждый читающий эти строки – умрет.
Каждый не читающий эти строки – умрет.
Все умрут...
Рано или поздно, мучительно или легко – сейчас не важно.
Все живое, в свой срок, обретает покой.
Время сеять и время пожинать...
Так было. И так будет...

Алгоритм существования вещества в виде агрегатного состояния «жизнь», вероятно, возможно подкорректировать на бесконечные фазы репликации тканей в пределах конкретной особи, но существо это уже не будет *живым*, в привычном для нас понимании.

Вечная жизнь – невозможна.

Но! До того как завершить свое существование в виде единого комплекса биополимеров, любой живой организм проходит цикл роста и репродукции. И вот ради этого цикла, условно называемого «жизнью» – и стоит Жить»!

Палец автономно от разума выискивал на клавиатуре нужные буквы. Мозг и нагое тело девушки дремотно плавилось от невыносимой жары.

Работу надо было сдать к вечеру, а мысль не шла.

Синие киты, руферы, зацеперы, наркоманы и прочие потенциальные самоубийцы мелькали в серой расплавленной массе одни за другими, но связать их воедино, чтобы пригвоздить скопом – не получалось.

«Жить – очень весело, берегите себя!», смогла выстрадать еще одну фразу девушка и захлопнула экран ноутбука. «Зачем я за это взялась?», спросила она себя и, сладко зевнув, потянулась, колыхнув пышной грудью...

—

Писцов тоже любил по утрам петь в клозете «...в чужие окна вглядываюсь я...».

А еще он пытался слегка монументально пописывать на досуге. Досуга было катастрофически мало, поэтому писалось тяжело, но радовало то, что он ловко избежал участи литературного негра при шефе, однажды откровенно смело возразив ему на предложение совместно сотворить книгу типа мемуаров «Моя путина» (– Издадим миллиардным тиражом, подзаработаем! – Похожее название уже было у одного известного политика, да и с паутиной лжи ассоциируется...).

Сам Писцов тайно кропал а-ля интеллектуальную муру под остроумным псевдонимом «писец Князев».

Как раз сейчас он работал сразу над двумя новыми проектами. Первый, с условным названием «Добру быть» (злая книга о глобализации фашизма, РПЦ и прочих экстремистских организаций) был полузаброшен, но невольно наполнялся новыми образами и событиями. Второй – «Человек хороший» (главная героиня которого, журналистка Диана Охочая, должна была перевернуть мир) не давал покоя, но почти не писался из-за катастрофической нехватки времени.

Хотя мир пора было перевернуть...

Ну, или что-нибудь. Но перевернуть обязательно.

Для этого он лишил Диану намека на восприятие каких-либо, пестуемых тысячелетиями, догм морали и нравственности, оставив и даже гипертрофировав героине одну лишь честность...

—

Мелкий дождик не принес ей облегчения. Густой жаркий воздух томил тело насквозь, а кондер, как назло, не работал.

Диана еще раз пробежала глазами набросок, выделила все и решительно набрала «shift+del».

Скрипнуло потертое седло (как называла она свое многострадальное, постоянно видящее одну и ту же картину, креслице) и нагое тело лениво поднялось на отсиженные, непослушные ноги.

Она была хороша собой, но завышенная самооценка, вкупе с низкой самоуверенностью – не давали ей покоя на протяжении последних десяти лет. С той поры, как она неосознанно начала подбривать лобок, наивно полагая, что сможет устроить свою жизнь так, что именно у нее все сложится хорошо...

Но счастливая жизнь прошла далеко в стороне от осуществления ее мечтаний, и на сегодняшний день Диана имела стройную фигурку, ангельское личико, бритый лобок, пустой кошелек и тысячу неразрешимых проблем, начиная с гребаной статьи про долбанных наркоманов.

Она никак не могла сосредоточиться над главной, как казалось, задачей этого лета – сочинением романа, который должен принести ей славу и миллионы.

Сочинительство привстало на второй странице из-за дилеммы с выбором названия: «Поза жизни» – было хорошо, но казалось глобальным и неподъемным, а «Вот тебе, бабушка, и дедушка» – слишком двусмысленным. Меж тем, от выбора названия зависело развитие сюжета («Как вы лодку назовете»...).

А еще, начало получилось до нудности тоскливое. Сквозь все фразы на читающего лилась неземная скорбь, особенно мироточащая посредством главного героя, этакого современного дона Кихота, борца с системой коррупции и искателем справедливости.

Но более, чем что бы то ни было, ее мучил стопор, который набух и стоял колом на пути написания эпохальной нетленки, в образе чемпиона-велосипедиста Владимира Сладкостонова, который снился ей по ночам и жил этажом ниже.

—

Писцов, конечно, допускал, что шеф проводит правильную политику (выживут сильные, здоровые телом и «правильно» воспитанные новые граждане – принесут здоровый, сильный приплод, воспитываемый в нужном нам русле... Остальной балласт ни природе, ни нам – ни к чему), но, в то же время, его сильно напрягало, что государство, как объект «общественного договора», давно и недвусмысленно доказало собственную нелегитимность, осознанно и непрестанно пренебрегая своим же «основным» законом, и жить уже давно хотелось подальше от этих беспокойных мест...

Безусловно, накопленных за долгие годы эффективного администрирования сбережений хватило бы не только на то, чтобы приобрести, но даже и насыпать новый остров посреди океана, засадить его грибами, развести рыбу, поставить зенитку и жить припеваючи... Но при таких крамольных мыслях о покое – в памяти всплывали мрачные прогнозы астрологов, антропологов и геологов:

(– Земле в ее нынешнем виде осталось не долго – шанс выжить в глобальной катастрофе возможен только на территории ближе к центру Евразии – бежать бессмысленно – будем зимовать в Расее).

Оставалось только писать... Творить, мысленно отрешаясь от бренности быта, с головой погружаясь в сочинение чужих жизней. Иногда таких, какие хотелось бы прожить самому...

Нимфоманка Диана стала его идеей фикс, как нимфетка Лолита стала музой классика. Все чаще представляла она перед ним живая, как Галатея Пигмалиону...

Но свое черное дело писца при Магистре Писцов знал туго, поэтому некоторые накладки, допускаемые им по рассеянности от блуждания мыслей, трактовались медийщиками как удачные каламбуры.

—

Диана была девушкой современной, поэтому, несмотря на филологическое образование, много нового для себя, даже из школьной программы, находила в сети. Отсутствие знаний ей даже немного помогало, ибо «недозомбированный» мозг троечницы противился штампам и канонам, переосмысливая даже «неоспоримые истины».

Недавно на гамыеге Диана открыла для себя неизвестную до селе строфу Пушкина:

«Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим»,

которую решила непременно поставить в эпитафию своей ненаписанной книги.

«Поэза жизни» побеждала бедную бабушку, и финал уже виделся предельно печальным. Все должны были умереть...

Но до этого необходимо успеть канонизировать старину Ленина и придумать новую национальную идею, взамен лицемерного культа «Великой Пирровой Победы».

Намечалась одна теория: принять за основную задачу современности – открытие ВСЕХ тайн, всех государств и организаций. Но, в свете сложившегося миропорядка, задача представлялась неподъемной.

Труды предстояли тяжкие, дела скорбные...

—

Писцов как дите радовался удачно воткнутому в канву повествования шпилькам, и словно колдун вуду блаженствовал от каждого нового втыка.

В этот раз, добравшись, наконец, до «Дианы», он размышлял, как бы поэффектнее вписать в нее свои новые размышления о бренности бытия.

А бытие его никак не могло взять верх над сознанием, вопреки утверждению великого Карла Провокатора.

Да и вообще, по мнению Писцова, именно сознание определяет бытие и никак иначе!

Просто сознание у всех людей разное.

Кто-то с молоком матери впитывает постулаты повиновения всему, что утверждают старшие, даже и не задумываясь побороть в себе пагубную рабскую натуру, становясь старше.

А кто-то не довольствуется зубрежкой чужих писаний и совершает неожиданные открытия!

Да, «нестандартным» приходится крайне нелегко среди уверенного в себе общества – стада «разумных» и «цивилизованных» человек, но жажда первенства духа над бытом поддерживает в них огонек бунтарства перед почти не выносимыми обстоятельствами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.